

Гу Сюньчжи и Жэнь Ши не слишком-то надеялись наткнуться на учителя в первом же месте.

Особенно это касалось Жэнь Ши — он вообще давно перестал ждать от наставника чего-то путного. Он слишком хорошо знал их учителя: тот хоть и не был настоящим небожителем, в искусстве заметать следы достиг небывалых высот. Если этот старик не хотел, чтобы его нашли, братья могли перевернуть вверх дном все четыре стороны света — толку бы не было.

Впрочем, раз уж в руках оказалась хоть какая-то ниточка, значит, учитель всё же не окончательно решил кануть в небытие. Быть может, он и сам рассудил, что пришло время повидаться с учениками, но из чистого упрямства не желал являться слишком рано. Зная повадки Бессмертного Гуйчэня, Жэнь Ши подозревал, что тот нарочно чинит им препятствия — исключительно ради «закалки характера», как он любил говаривать.

Раскрывать шиди все неприглядные черты наставника Жэнь Ши не стал. Тот и так полагался на помощь учителя в своём совершенствовании, так что пусть уж лучше Гу Сюньчжи питает надежды — вреда от этого не будет.

Они держали путь в деревню, где, по слухам, когда-то видели учителя. Место было глухое, в стороне от больших дорог; случайный путник вряд ли бы туда забрел. Однако легенда о «божестве» разлетелась по всей округе. Жители окрестных уездов наперебой рассказывали, как пять лет назад, в самую засуху, некий бессмертный сотворил чудо в Деревне у восточной изгороди. Он не только призвал ливень, но и превратил низину к востоку от селения в полноводное озеро. Когда же крестьяне опомнились и захотели узнать имя благодетеля, тот уже исчез. С тех пор Деревню у восточной изгороди переименовали в Деревню Восточного озера, а таинственного чудотворца нарекли Бессмертным Восточного озера.

Такая тяга к внешним эффектам была вполне в духе учителя.

Многие земные бессмертные, скитаясь по свету, то и дело призывали дождь для смертных. С одной стороны, это помогало скоротать вечность и насладиться людским преклонением, с другой — позволяло получать подношения. Чем больше людей почитало бессмертного, тем быстрее росла его сила и тем легче давалось восхождение на новые ступени. Мольба о дожде требовала малых затрат, но приносила щедрые плоды в виде веры — главного источника мощи для земных божеств. Но если не оставить имени, сила веры рассеивалась. В случае с Деревней у восточной изгороди, где жители сами сменили название деревни и самовольно придумали титул «божеству», их вера, скорее всего, оседала на самой озерной глади. Рано или поздно в этих водах должна была зародиться некая духовная сущность, которая и стала бы именовать себя Бессмертным Восточного озера.

Подобная работа — тяжкая, неблагодарная и лишённая личной выгоды — идеально соответствовала характеру их наставника. И не потому, что он был великим альтруистом. Просто Гуйчэнь обожал, когда им восхищаются, но совершенно не стремился к дальнейшему возвышению, предпочитая вечно оставаться земным бессмертным. Конечно, если разбрасываться силами направо и налево, не восполняя их верой, можно было и вовсе потерять свой статус, но сколько Жэнь Ши его помнил — учитель никогда не менялся.

Расспросив людей поподробнее, Жэнь Ши выслушал немало небылиц. Одни клялись, что видели святого в одеждах белее облаков и с бородой до пояса — типичный старец из народных сказок. Жэнь Ши только хмыкал: даже если это не их наставник, редкий бессмертный станет принимать столь клишированный облик.

В конце концов Гу Сюньчжи приложил усилия и отыскал настоящего жителя Деревни Восточного озера. Тот описал внешность «божества» так точно, что сомнений не осталось — это был их учитель. Но, как и гласили слухи, сразу после молитвы о дожде он ушел, не обронив ни слова о том, кто он и откуда.

Так они и оказались в Деревне Восточного озера, надеясь найти хоть какие-то следы, сокрытые от взора обычных людей.

Подъехав к деревне, Гу Сюньчжи спешился с синего ослика. Постоялых дворов здесь не водилось, да и напроситься на ночлег к местным было непросто. Это была не столичная округа, а глухомань, где к чужакам относились с величайшим подозрением. Даже когда Сюньчжи назвал имя того крестьянина, что дал им наводку, жители продолжали сверлить их недоверчивыми взглядами.

Пришлось говорить правду.

— Я ученик того самого Бессмертного Восточного озера, — мягко произнес Гу Сюньчжи. — Наставник давно ушел в странствия, и мы ищем его.

Крестьяне удивленно переглянулись, и лишь староста остался настороже:

— Говоришь, ученик? А чем докажешь?

Жэнь Ши, до этого молча стоявший рядом и державший осла под уздцы, лишь едва заметно усмехнулся. Он похлопал синего ослика по крупу, и тот в мгновение ока превратился в плоскую бумажную фигурку. Жэнь Ши подхватил листок и протянул его старосте.

Тот от изумления даже по бедру себя хлопнул:

— Точно! Бессмертный Восточного озера тоже так умел!

Подобный фокус с превращением бумаги в лошадей или ослов был под силу любому практику с мало-мальски приличной ци. Даже тот демон на горе Лазурного неба владел этим приемом. И пусть мастера использовали разные техники, для непосвященного глаза всё выглядело одинаково. Для жителей Деревни Восточного озера, видевших магию раз в жизни, это стало неоспоримым доказательством.

Убедившись, что перед ними — «свои», староста преобразился: расплылся в улыбке, схватил Гу

Сюньчжи за руку и принялся засыпать вопросами о здоровье и житье-бытье. От такого напора гостеприимства Сюньчжи стало неловко, но, понимая, что без помощи этого человека им здесь не обойтись, он кротко терпел.

Выговорившись, староста наконец обратил взор на Жэнь Ши:

— Раз вы ученик Бессмертного, то этот статный юноша, верно, приходится учеником вам?

Гу Сюньчжи похолодел. Он и не заметил, как из-за молчаливости и юного облика Жэнь Ши, стоявшего за спиной с поклажей, староста принял его за младшего. Сюньчжи уже открыл рот, чтобы развеять это нелепое заблуждение, но Жэнь Ши опередил его:

— Да, всё верно.

Гу Сюньчжи пораженно оглянулся на шисюна, не понимая, зачем тот добровольно записывает себя в его подмастерья. Но, рассудив, что у старшего брата наверняка есть веская причина, он лишь покорно кивнул, подтверждая слова.

Староста отвел им дом и даже вызвался проводить до озера, но Гу Сюньчжи вежливо отказался, сославшись на то, что «тайные обряды не терпят лишних глаз». Узнав дорогу, они оставили вещи и вышли из деревни.

Как только они оказались одни, Гу Сюньчжи не выдержал:

— Шисюн, зачем ты сказал старосте, что ты мой ученик?

Жэнь Ши покосился на него:

— Слишком долго объяснять.

Сюньчжи так и застыл с открытым ртом. Меньше всего он ожидал услышать такую причину. Впрочем, если подумать, шисюн был прав. Если начать рассказывать, почему его старший брат выглядит вдвое моложе его самого, пришлось бы выложить случайным встречным всю их подноготную. И всё же мысль о том, что ближайшие дни ему придется на людях помыкать шисюном как слугой, вызывала у Сюньчжи почти физическую боль.

Восточное озеро лежало всего в паре сотен метров к востоку от окраины. На поверку оно оказалось скорее небольшим прудом. Староста упоминал, что после того, как водоем наполнился, Бессмертный указал им на родник в горах. Благодаря этому источнику вода в озере оставалась чистой и никогда не пересыхала.

Подойдя к кромке воды, Жэнь Ши принялся внимательно изучать берег. Гу Сюньчжи,

обделенный духовной силой, мог лишь стоять в сторонке и гадать.

— Шисюн, ну как там? — спросил он наконец.

Жэнь Ши присел у воды, зачерпнул пригоршню и коснулся её губами.

— В этой воде действительно чувствуется след ауры учителя, — задумчиво произнес он. — Но он очень слабый. Знаешь, здесь есть и другая энергия. Она гораздо гуще и свежее. Пахнет почти как ци учителя, будто они одного корня.

— Как это понимать?

— Должно быть, вера крестьян сотворила чудо: в озере зародилась новая сущность... — Жэнь Ши поднялся и, обогнув пруд, остановился в месте, где поток духовной энергии был наиболее ощутим.

— Эй! — крикнул он, обращаясь к зеркальной глади. — Выходи, не прячься.

Тишина. Вода не шелохнулась. Гу Сюньчжи уже начал было сомневаться, не ошибся ли шисюн, как вдруг в самом центре пруда закипели пузырьки. Спустя мгновение из воды медленно поднялся человеческий силуэт.

Образ наставника в памяти Сюньчжи за годы успел слегка поблекнуть, но встретить он его живую — узнал бы из тысячи. Он потрясенно уставился на лицо вышедшего из воды человека и невольно вскрикнул:

— Учитель?!

Но крик оборвался на полуслове. Сюньчжи мгновенно понял — перед ним не Бессмертный Гуйчэнь. Несмотря на поразительное сходство, незнакомец не был земным бессмертным. От него веяло чистой, озерной прохладой духовной сущности, рожденной самой стихией. Гу Сюньчжи вспомнил слова шисюна о том, что здешняя энергия «одного корня» с наставником. Очевидно, эта сущность была неразрывно связана с ним.

Дух озера, услышав голос Гу Сюньчжи, медленно повернул голову и мягко, едва заметно улыбнулся.

— Так ты и есть... Гу Сюньчжи?